

18+
Илья Авраменко

АЮСЬКА-БАРСЕЛОНА
І ДРУГІЕ МОМЕНТИ
ПРЕКРАСНОЇ ЖИЗНІ

Илья Авраменко

**Люська-Барселона и другие
моменты прекрасной жизни**

«Издательские решения»

Авраменко И.

Люська-Барселона и другие моменты прекрасной жизни /
И. Авраменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642317-6

Автор этой книги — киносценарист, известный многим по фильмам
«Нина», «Француз», «Честь имею», «Операция Мухаббат», «БатальонЪ» —
представляет на суд читателей свою избранную поэзию и прозу.

ISBN 978-5-00-642317-6

© Авраменко И.
© Издательские решения

Содержание

АНГЕЛЫ	6
БОЛГАРИЯ	7
ЛЕТО	8
РОМКЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	9
ПЕСЕНКА СТАРЫХ ПЕСЕНОК	10
Поэма Зимы	11
ПРОЩАНИЕ	12
РОДИНА	13
ТАКОЕ ДЕЛО	14
У МОРЯ	15
НОСТАЛЬГИЯ	16
ЯЛТА	17
ВРЕМЯ	18
ЗАРЕЧЬЕ	19
НА ДАЧЕ	20
НОЧЬ	21
ПОЭТ	22
СОН	23
СТАРИКУ МАРТЫНОВУ ПОСМЕРТНО	24
ВРЕМЯ-МУРАВЕЙ	25
ЮРЕ АРАБОВУ ПОСМЕРТНО	26
ПРО ФРЕДА	27
ЛЮСЬКА-БАРСЕЛОНА	29
ГЛАВА 1	30
ГЛАВА 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Люська-Барселона и другие моменты прекрасной жизни

Илья Авраменко

© Илья Авраменко, 2024

ISBN 978-5-0064-2317-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНГЕЛЫ

Народился месяц.
Небо – как палатка.
Нам с тобою вместе
Спать в ней очень сладко.

Видеть сны про зиму,
А зимой – про лето,
Ангелы незримо
Пролетают где-то.

Песнь поют негромко,
Бога величают.
Месяц как ребенка
В люлочке качают.

Народился месяц.
Небо – как палатка.
Нам с тобою вместе
Плакать очень сладко

О прошедшей жизни,
О грядущей смерти.
Никого нет ближе
Нас с тобою вместе.

Февраль 2005

БОЛГАРИЯ

Далеких гор неясный облик смутен.
Прозрачна осень в маленькой стране.
И день на звуки и движенья скуден.
И красного вина на самом дне.

Тиха квартира. И почти не слышен
Крик цыганенка на пустом дворе.
И легкий ветер занавес колышет.
И красного вина на самом дне.

И с каждым днем все больше жухнут травы.
А счастье бродит где-то вдалеке,
И жизнь мою как медный грошик старый
На счастье сжимает в кулаке.

ЛЕТО

Запах моря, если ветер с юга.
Выцветшая нитка горизонта.
Тень акаций. Спящая подруга.
Отражение неба в белых окнах.

Но меня здесь нет. Я был, да вышел.
Вероятно, я вам только показался.
Ветер с юга. По горячей крыше
Выбивают дробь стручки акаций.

И летят, как облака по небу,
Парусники белые по морю.
И плывут, как парусники в море,
Облака прекрасные по небу.

РОМКЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

И что мы будем делать
Мой дорогой малыш,
Когда последний ветер
Сорвет домишки с крыш

Из камышовой бухты
Придет ученый кот
И промурлычет в ухо
Нам все наоборот

Про то, что будет утро
И лягут все в кровать
И никому как будто
Не нужно умирать

Какое будет счастье
И звезд веселый ход
И вечности три части
Но задом наперед

Мы полетим по небу
Как будто две волны
Мы – облака на рейде
Мы – море тишины

ПЕСЕНКА СТАРЫХ ПЕСЕНОК

Если листья падают – это осень.
По утрам замерзает в пруду вода.
Если люди падают – это восемь
Пуль в обойме. Это – война.

А я скажу, что мне больше нравится.
Красным летом зеленый чай,
А также смуглая одна красавица,
Заварившая этот зеленый чай.

Я, наверно, отсталый. Я рос в провинции.
Там сухая степь и полынь-травы.
И врагу поэтому не добиться,
Чтоб склонилась тупая моя голова.

Дорогая моя, в столице
Не растет такая полынь-травы.

Я могу жить в землянке. Смотреть, как бьется
В очень тесной печурке седой огонь.
А наступит осень – ко мне попросятся
Жук навозный и ласточка на постой.

А придет война, и мне будет горько,
Что я жил в воюющей этой стране.
Но надеюсь врагу все же хватит пороха
И уснувший крейсер пальнет по мне.

Вот и конец развеселой песенке.
Та смуглянка ушла по тропинке в лес,
А я в небо полез по бумажной лесенке.
Лез и лез.
А потом исчез.

Осень 2004

Поэма Зимы (отрывок)

Здесь хрупкий жемчуг на ветвях,
И жизнь под серым светом неба.
И если нет сегодня хлеба —
Есть хрупкий жемчуг на ветвях,
Как будто крошечные бельма
На светлых ангельских глазах.

Теперь нет смысла гомонить,
Шутить, расхристываться, плакать.
Теперь, задумчивый лунатик,
Лишь пальцем на стекле чертить
Круги, квадраты, треугольник
И вновь квадраты и круги.
Теперь, присев на подоконник,
Подобно жителю реки
Замерзшей, слушать зиму,
Внимать через стеклянный лед
Тоске ее невыразимой
И слушать гад подводных ход.

Усталость жизни в этом теле
Сильнее с каждым днем. Теперь
Любые страшные потери
И композиции потерь
Ничто не значат. Только тени
Нагих оград чугунный звон
И ночь, укрытая шинелью
И мрак. И мрак со всех сторон.

ПРОЩАНИЕ Ю. Арабову

Вот и пора мой друг уходить
Рассветом
Который не есть дорога а только часть
Света
Того который
Приходит в ночи последний час
Который не есть часть времени а только
Светлый
Взгляд Того Кто все еще любит нас

РОДИНА

Запах талый снега...
За рекой поля.
Колея телеги
Снова привела
В тополя, в заречье,
В небеса и грязь.
И в тоску, что вечно
Родиной звалась.

Январь 2008

ТАКОЕ ДЕЛО

А. Ц.

Он пил сухарик. И он стал
Подобен высохшей горбушке.
Себя он числить перестал
В числе людей. И лишь норушке-
Беззлойной мышке и жуку —
Навознику, кроту и птахе
Дрозду он мог сказать
О том, что плахе
Нет дела ни до головы
Ни до стихов.
Ни до поэта.
Такое дело, брат. Увы...

У МОРЯ

Две старых лесбиянки на ветру
Смотрели в море, словно ожидая,
Что волны вынесут к ногам их юность
И чистоту сердец, оставленную где-то,
И даже счастье. Глупые надежды!
Они и сами понимали это —
Одна седая, и другая тоже,
Держались за руки, и только лишь морщины
Как след прибоя на сыром песке.

НОСТАЛЬГИЯ

Я спал и мне приснилась
Любимая Россия
Холодная Россия
Прозрачная вода
Скворец на ветке синей
Звезда над черной степью
И ломкий ранний иней
Обнявший провода.

Я жил и выжил где-то
Между рекой и морем
Меж степью и пустыней
В сиреневом краю
Я знал здесь каждый стебель
И каждую карету
Что в полночь стала дыней
На радость воробью
И не собрать мне солнца
В замерзшие ладони
И не узнать пришедшей
Красавицы с косой

Замерзшие ладони
Замерзшие озера
Горячая молитва.
Россия. Бог с тобой.

ЯЛТА

А. Г.

Осенний сумрак кутает аллеи
и запах моря здесь уже не слышен.
Когда мы прошлой осенью болели,
то, как безумный, колотил по крыше
холодный дождь, и был хозяин мрачен,
ругал страну и тыкал пальцем в окна.
Шел дождь такой, как будто сотни прачек
выкручивали мокрые полотна
на город с желтым именем, который
в осеннем сумраке пытался раствориться
и прятал нас между горой и морем,
как крошечную точку на странице.

Конец 80-х

ВРЕМЯ

Ю. А.

Вот и пора, мой друг, уходить рассветом,
Который не есть дорога, а только часть
Света, того, который
Приходит в ночи последний час,
Который не есть часть времени, а только светлый
Взгляд Того, Кто все еще любит нас.

ЗАРЕЧЬЕ

А в заречье тополя, как спичечки,
Пусто, сиротливо, лишь по вечерам
От прошедшей в город электрички
Шум ползет по убранным полям.

И мерцают огоньки станицы.
Холодно уже по вечерам.
Говорят, на севере, в столице
Выпал снег еще позавчера.

А в заречье вечерами ветрено,
Степь укрыта одеялом звезд.
И русалка голосом приветливым
В омуты заветные зовет.

А в саду забытые игрушки.
Смотрят грустно в небо со скамьи
Мишка, зайчик и его подружка-
Кукла из порядочной семьи.

С каждым днем прозрачнее деревья,
И глядит печально паучок —
По доске надломленного времени
Мир идет, качаясь, как бычок.

Все пройдет. Останется заречье,
Тополя, холодный блеск реки.
И в последний в этой жизни вечер
Жест благословляющей руки.

Осень 2004

НА ДАЧЕ

Осенний день не помнит ничего.
Он пахнет яблоком, упавшим в георгины,
он шафером на свадьбе комариной
сжигает жизнь. А в сумерки его
не станет. На закрытых ставнях
холодный вечер нарисует пальцем
и по пустой веранде в длинном танце
пройдутся тени. И в замерзших плавнях
луна найдет потерянное счастье,
собрав все отраженья воедино...
И только звук далекий окарины
как бы из счастья выпавшая часть.

НОЧЬ

Далекий звук ушедшего дождя.
Осенней ночью трудно ждать рассвета.
Мне холодно. Мне кажется, что где-то
Ко мне плывут еще мои друзья
По черной зыби над пучиной сна,
И утлая бумажная ладейка
Не доплывет, и текст ее письма
Размоют волны цвета фиолета,
И я не вспомню, как меня зовут,
Что ждут меня и любят.
Сильно. Где- то.

ПОЭТ

Дяде

В холодном московском небе
Висел молодой поэт.
И больше нигде он не был
За целую тыщу лет.
Его навещали музы,
Подобные облакам.
А он все считал – он лузер,
Вот и висит пока.

А кто его там подвесил
на радость семи ветрам...
Висел он, как юный месяц,
Чуть видный по вечерам,

Висел он как горсть печали,
Как гордость ушедших лет.
А то, что его не знали —
На то он и был поэт.

СОН (ВРЕМЯ-ЧЕСНОК)

Мне снилось время в виде чеснока
И я ломал хрустящие головки.
К одной из них, как божия коровка,
Цеплялась грусть, до той поры пока
Не выпал снег. И грусть тогда пропала.
Я вышел в небо, полное тобой.
А там, как сумасшедшая, летала
Звезда одна, забыв про голубой
Мерцающий порядок мироздания.
На коммунальной кухне был уют.
Соседи спали. И слепая тайна
Вела куда-то скорбно жизнь мою.

СТАРИКУ МАРТЫНОВУ ПОСМЕРТНО

Для поэта не бывает судьбы.
Для поэта только строчка в стихах.
Будто звук далекой медной трубы
Или ветра легкий шелест в полях.

А еще поэт не знает как жить.
Где и как ему умирать.
Даже смерти он не знает, кажись.
Просто кончится земная тетрадь.

И пойдёт он к небесам босиком
По стихам, как по весенней траве,
Трепеща и сочиняя тайком
Свой привет небесной той синеве.

Ну а мы с тобой останемся здесь
До поры. И будем рифмы слагать,
Устилая ими звездную твердь
По которой нам придется шагать.

ВРЕМЯ-МУРАВЕЙ

Холодных светлых дней осталось мало...
Несется время будто муравей,
Который вышел сдуру на хайвей
И был размазан колесом харлея.

И я несусь как этот муравей,
Через пустыню полумертвых дней...
И вижу под камнями смерти жало.

ЮРЕ АРАБОВУ ПОСМЕРТНО

Помилуй, Господи, всех, кто умер
От пули, ножа или просто так.
А также всех тех, кто был слишком умен,
И тех, кого съел беспощадный рак.

И тех, кто ел раков, свиной и улиток
И прочих, кому хотелось еще пожить,
И кто стоит у небесных калиток
В надежде когда-нибудь их открыть.

Прости меня, Господи. Я был глупым.
Хотел не того, не там и не с тем,
Хотя я мог бы прочесть по буквам
Все то, что ты от меня хотел.

И пусть мне светит луна в тумане,
И солнце светит сквозь дым руин.
Храни меня, Господи, хоть в кармане,
За пазухой, где-нибудь, но храни!

ПРО ФРЕДА

Посвящается Асе

Жила-была собака возле Палашевского рынка. Бродячая. Звали ее Фред. И была она – ангел. Ангел ведь может воплотиться в кого угодно, даже в лягушку.

И ходила эта собака Фред по старым и грязным московским переулкам и думала. Кому бы ей помочь. Ведь она была ангел.

Вдруг смотрит, идет по Палашевскому рынку старуха. Худая, интеллигентная, с палкой. Подходит к прилавкам, смотрит на продавцов. Можно, говорит, доченька, я у тебя несколько подгнивших морковок возьму? А у тебя – пару картофелин? Берет, и в сумку убирает. А сумочка у нее маленькая такая, театральная.

Подошла собака Фред к старухе и заскулила. Старуха посмотрела на нее, подумала-подумала, и говорит: " Ну что ж, худоба несчастная, пойдем ко мне жить, вместе век коротать. Я тебя хоть от ветра укрою.»

Поманила Фреда и пошла. Стали жить они вместе, в старухиной коммуналке. А соседей тогда не было, они на дачу уехали.

Жили так они себе, жили, старуха с Фредом хлебом делилась и супчиком овощным из морковок с картофелем, а Фред по вечерам у старухи в ногах ложился, и ей было не так одиноко. Хорошо они жили, бедно.

И вот однажды раздается у старухи телефонный звонок. И просят к трубке Эсфирь Соломоновну. Не Фиру, не Фирку, не бабку-жидовку, а Эсфирь Соломоновну. Старуха подумала-подумала, и говорит – это я. Это и в самом деле была она. А в трубке ей говорят – возьмите-ка паспортчик и приходите поскорей в Инюрколлегию, что на Тверской улице, у нас к вам разговорчик один имеется.

Ладно, говорит старуха, приду. А сама удивляется – что это им от бабульки понадобилось? А Фред бегаёт вокруг и хвостом машет. И язык вывалил.

Пошла старуха в Инюрколлегию, а ей там говорят: «Поздравляем, – говорят, – Эсфирь Соломоновна, ваш братик Изя умер. Желает вам счастья, здоровья и долгих лет жизни».

Посмотрела старуха на бодрячков, подумала-подумала и говорит. Спасибо вам, говорит, на добром слове, только мой братик Изя уже лет пятьдесят пять как умер. Он в концлагере умер, в Майданеке.

«Нет, – говорят ей бодрячки из Инюрколлегии, – там он как раз выжил. А умер он в Америке, полгода назад. Вот что эта ...дская Америка с нашими людьми делает!» «Очень приятно», – говорит вежливая старуха Эсфирь Соломоновна. А ей говорят – дело не в этом! Дело в том, что он вам наследство оставил, в пять миллионов. Так что собирайтесь-ка вы в Нью-Йорк, за наследством.

Старуха обрадовалась, и побежала домой собираться.

Собирается она, чашки и ложки укладывает, а Фред вокруг бегаёт, хвостом машет и язык от радости вывалил. Тут приходят к старухе люди и говорят – в Америку с собаками нельзя. Совсем нельзя. Там своих собак хоть косой коси. То есть все-таки можно, но – за деньги. За дополнительные и за большие. Ваське заплатить, Федьке заплатить, Алексею Макаровичу заплатить, господину Запуцкому заплатить, Аэрофлоту заплатить, Сбербанку заплатить и еще почему-то в прачечной Юльке-приемщице заплатить. Много денег получается. Большая сумма. Посчитала ее старуха, подумала-подумала, на Фреда посмотрела и говорит: " А пошел бы ты на ...! Еще за тебя, вонючку бродячую, такие бабки выкладывать!» Села на самолет и в Америку улетела.

А там, в Америке, ее током убило, когда она в троллейбус садилась, чтобы ехать, наследство свое принимать.

А Фред дальше пошел по холодным и грязным московским улицам. Стал снова ходить и искать, кому бы ему помочь. По вечерам он думал о старухе, и ему было жалко, что она не выдержала испытания деньгами, и умерла.

Он даже плакал о ней.

ЛЮСЬКА-БАРСЕЛОНА

Посвящается Аське

ГЛАВА 1

Люську звали Барселона, потому что она была толстая и чернявая, как цыганка, а двигалась легко и танцевала так, что мужики подолгу задерживали на ней взгляд. В ней как будто была какая-то сжатая пружина и еще что-то – очень сильное и живое.

Люська посмотрела на спящего Федора и осторожно встала.

Федор заворочался, засопел и спросил сквозь сон:

– Ты куда?

– Я тут, спи, – прошептала Люська и погладила его по щеке.

Несколько секунд она с нежностью смотрела на Федора, а потом отвернулась и посмотрела в черный квадрат окна. Взгляд ее стал тяжелым и ледяным.

Люська накинула поверх ночнушки черную шаль и вышла из спальни.

Луна выбивалась из-за туч, и на кухне было полутемно.

Люська достала пятилитровую жестяную банку с мукой и поставила ее в раковину.

Засунула в муку руку и вытащила ее уже вместе с тяжелым свертком.

В свертке был револьвер.

Люська убрала банку обратно, смыла муку и, как была босиком, вышла из дома на улицу.

Она быстро ехала на велике по пустой улице.

Седло поскрипывало под ее весом, ночная рубашка задралась и едва прикрывала бедра.

В магазине, где она работала продавщицей, горел дежурный свет

Соседские собаки знали ее и не лаяли.

У дома на краю деревни стоял красивый автомобиль.

Люська прислонила велик к машине, погладила оскаленного зверя на капоте, толкнула калитку и встала за кустом сирени.

Стоять босой было зябко, она переминалась, поднимала ноги и двигала пальцами.

Светало, когда дверь наконец открылась.

На крыльцо вывалился полусонный мужчина.

Он был отлично сложен – бычья шея, кубики на животе, все такое.

Люська посмотрела, как он, не открывая глаз, ссыт, и выстрелила ему в переносицу.

Она поставила последнюю порцию испеченных оладьев на стол и тоже села.

Федор механически макал оладьи в сметану и механически жевал.

– Сука... – задумчиво сказал он. – Теперь все скажут, это я его завалил.

– Почему это? – спросила Люська и тоже взяла оладью.

– Барселона, ты чо? все ж знают, что он меня приехал грохнуть. Кому ж еще тогда это было выгодно?

– А-а, – сказала Люська. – Ну да. В самом деле.

Она прожевала оладью, взяла вторую, обмакнула в сметану.

– А это не ты? – спросила она.

Федор молча жевал.

– А кто же тогда? – спросила Люська.

– Не знаю, – сказал он.

– Ну и говори им в глаза, «не знаю». А они пусть думают, что ты. Тебе же лучше.

– Это да... Но главное, Люсь, ловко как его подождали... Как будто точно знали, что отливать выйдет. А не вышел бы – подждал бы, сука, меня сейчас...

– Потому что не хер пиво пить на ночь, – сказала Люська и облизала пальцы, выпачканные сметаной.

ГЛАВА 2

Магазин стоял на самом въезде в деревню.

Люська была и его владелицей и единственной продавщицей.

Местные сначала удивлялись, что она поселилась и купила этот заброшенный магазин в их забытой Богом деревне, и судачили. С их точки зрения, финансового смысла в этих вложениях не было. Но все приезжие всегда были идиотами. Умные люди рождались и жили только в их деревне. Ну, и немного в Лондоне.

Но местные вскоре привыкли, потому что с магазином им было лучше, а к хорошему человек легко привыкает, судачить перестали, и Люська стала частью скромного местного пейзажа.

Она торчала в магазине целыми днями и смотрела футбол по видеку – все матчи Барселоны. Один за другим.

В окно Люська смотрела, только когда мимо магазина кто-то проходил или проезжал.

Она всегда точно знала кто, к кому, и за какими напитками придет к ней этим вечером.

Этот миропорядок ее устраивал.

Поэтому, когда мимо проехал незнакомый ей внедорожник, Люська напряглась.

Она выключила телек, повесила табличку «щас буду» и вышла.

В дверях она столкнулась с дедом Сережей Поповым, контуженным в шахте.

– Погодь! – сказал дед.

Люська молча и торопливо заперла дверь.

– Мне папиросы только! Барселоночка! – сказал дед и прихватил Люську за талию.

Люська резко обернулась, задев деда плечом.

Дед чуть не упал.

Люська села на велик.

– Щас буду, – сказала она деду и быстро поехала по улице.

Седло поскрипывало под ее весом, платье задралось и едва прикрывало бедра.

Дед Сережа, контуженный в шахте, с мечтательной улыбкой смотрел на Люськин зад, качавшийся над седлом.

Черный внедорожник стоял у их дома. Его окна были наглухо затонированы.

Люська прислонила велик к забору, вошла во двор и подошла к колодцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.